おかさん

СЮСАКУ ЭНДО

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ДУРАК

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Э64

Shusaku Endo
WONDERFUL FOOL (OBAKASAN)
Copyright © 1959, The Heirs of Shusaku Endo. All rights reserved

Перевод с японского *Феликса Тумаховича*

Надпись на обложке *Максима Сазонова*

Эндо, Сюсаку.
Э64 Уважаемый господин дурак / Сюсаку Эндо ; [перевод с японского Ф. Тумаховича]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-196894-6

По-детски наивный Гастон приплывает в Японию. Его встречают Такамори и Томоэ, ожидания которых не совпадают с реальностью — они хотели увидеть потомка Наполеона, а не похожего на лошадь иностранца. Но благодаря способности Гастона быть верным себе и проявлять лучшие душевные качества их жизни меняются навсегда.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Тумахович Ф., перевод на русский язык, примечания, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196894-6

Потомок Наполеона

Стояло воскресное утро в конце марта, когда уже появились первые цветы сливы и набухшие белые почки магнолии вот-вот должны были раскрыться. Такамори лежал в постели, свернувшись улиткой, и наслаждался теплом. Снизу донесся пронзительный голос его сестры Томоэ:

— Если будешь спать дальше, заплесневеешь. Уже десять часов.

— Встаю, встаю, — высунув голову из-под одеяла, грустно ответил Такамори.

— Ты это уже говорил полчаса назад.

— Я одеваюсь.

Это, конечно, была неправда, ибо Такамори по опыту знал: у него есть еще несколько минут, пока сестра поднимется по лестнице и станет сдергивать с него одеяло.

Каждое воскресное утро он подвергался трем ее налетам. В первый раз она кричала ему раздирающим слух голосом с первого этажа. Не в состоянии в полусне разобрать слова, он отделывался простым мычанием или другими нечленораздельными звуками.

После чего она обычно пыталась испугать его — как сейчас, изображая громкие шаги по лестнице. Но и теперь можно было не бояться. Он всякий раз отвечал, что одевается.

— Иди и посмотри, — кричал он вызывающе. — Но предупреждаю, что я еще совершенно голый, если ты не имеешь ничего против...

После этого Такамори считал себя в безопасности, с наслаждением вытягивал руки и ноги и доставал из-под подушки сигарету.

Подобное расслабленное лежание в постели, возможное только по воскресеньям, давало большой заряд энергии таким, как он, кто всю неделю работал. Такамори шесть дней трудился в банке, в районе Отэмати, и мечтал хотя бы по воскресеньям насладиться роскошью сна. Если б не надоедливая сестра... Говорят о мужьях-подкаблучниках, но быть под каблуком у собственной сестры — такого, наверное, еще не бывало. Такамори пока не представлял, каких напастей ему ждать от будущей жены, но уже знал, что такое деспотизм реально существующей сестры.

Когда женатые сослуживцы в банке на обеденном перерыве делились с ним, как они боятся своих жен, Такамори часто не понимал, соответствуют ли эти преувеличенные откровения действительности. Может, мужчины исстари задабривают своих жен такой стратегией? Во-первых, какой бы строгой ни была жена, в глубине сердца у нее всегда найдется нежность для мужа, и она в конце концов помирится с ним. А вот с сестрой все иначе.

* * *

Такамори пришлось смириться, что с раннего детства сестра взяла на себя роль наставника и критика брата, а когда ей исполнилось четырнадцать, она стала просто невыносимой. Не пропускала ни одного его промаха или ошибки и грозила:

— Я все папе расскажу!

Ее большие черные глаза блестели от возбуждения, когда она обнаруживала, что он не делает домашнее задание, а сбежал играть с соседскими мальчишками. Это она поймала его, когда он забрался на крышу дома, чтобы выкурить свою первую сигарету. Даже угроза физической расправы не могла ее удержать. Даже ребенком она никогда не плакала — что бы он с нею ни делал. Ее обычный припев был: «Я все папе расскажу!» И когда отец возвращался домой, она эту угрозу выполняла, раздувая происшедшее до немыслимых пропорций. А расплачиваться за все приходилось Такамори.

Если же он пытался подластиться к ней, было еще хуже. Женщины, похоже, от рождения владеют искусством использовать в своих интересах мужчин, которые к ним хорошо относятся. Во всяком случае, с этой женщиной — и Такамори испытал это на себе — нельзя было обращаться нежно.

* * *

Серьезной проблемой для Такамори было его имя. Его дед, ученый каллиграф, родился и вырос в Кагосиме. И решил, что его первый внук должен стать вели-

ким человеком — подобно самому знаменитому уроженцу Кагосимы Такамори Сайго[1]. А потому настоял, чтобы младенцу дали это имя. Но ведь само имя еще не делает личность, а в Такамори не было и следа широкой натуры его тезки. Томоэ, напротив, была волевой, предприимчивой и не любила проигрывать. Иными словами, была воспитана как современная японская девушка.

Внешний вид своей сестры Такамори оценивал как «выше среднего». Когда она не ругалась и не куксилась, в ней даже было что-то приятное — но не в классическом смысле. Она совсем не походила на японских барышень, у которых на глазах слезы выступали от взгляда на звезды.

Она не испускала вздохи при виде фиалок. Конечно, Томоэ не всегда была такой, как сейчас. Еще малюткой она, бывало, тянула нежные маленькие ручки цвета осенних листьев клена к Такамори, который был на шесть лет старше, и топала за ним на своих неокрепших ножках: ей хотелось только одного — быть рядом с ним. И вдруг в какой-то момент превратилась в надоеду, на брата стала посматривать свысока. Томоэ доходила даже до такой дерзости, что заявляла:

---

[1] Такамори Сайго (1828—1877) — японский военачальник и политический деятель, убежденный консерватор. Противник сёгуната Токугава и «вестернизации» Японии, сторонник войны с Кореей. Символ поистине самурайской верности принципам. *(Здесь и далее прим. переводчика без указаний.)*

— Неужели все мужчины в мире такие слюнтяи, как ты? В таком случае я никогда не выйду замуж.

Такамори в конце концов усвоил, что на подобные высказывания лучше не отвечать. Несомненно, сестра превосходила его в трезвости ума и практической энергии. Уже в университете она смотрела в будущее расчетливо: почти единственная из всех студенток с энергией и прилежанием изучала итальянский язык, а также машинопись и стенографию. И когда окончила университет, оказалось, что девушек, знающих французский и английский, — пруд пруди, а вот с итальянским, как она и предвидела, все обстоит иначе. Ее стратегия великолепно оправдала себя, когда ее взяли на работу в итальянскую торговую компанию с зарплатой не хуже мужской. Фактически она зарабатывала больше брата, так что даже в экономическом положении он ей проигрывал.

Девушки в возрасте Томоэ обычно заняты поисками подходящего мужа. Мечтают иметь любимого человека, машину и совершить кругосветное путешествие. Томоэ же была реалисткой — ни звезды, ни фиалки не отвлекали ее от амбициозных планов, и к мужчинам она проявляла мало интереса. Если все мужчины так же ненадежны и непрактичны, как ее брат-мечтатель, она не желает выходить замуж — по крайней мере пока. Томоэ не делала из этого секрета и свысока смотрела как на сослуживцев, так и на друзей Такамори, которые к нему приходили. Конечно, в глубине души она, видимо, лелеяла некий образ сильного и галантного мужчины, который появит-

ся однажды, но не была сентиментальной настолько, чтобы делиться такими мечтами со своим братом.

Машина ее не интересовала, да и вообще тратила сестра мало, предпочитая вкладывать деньги и наблюдать, как они удваиваются и утраиваются. Если в прошлом девушки хранили свои лишние деньги в копилках или — в лучшем случае — в сберегательных банках, теперь они предпочитали с удовольствием играть на бирже и сбережения свои увеличивать. Каждое утро, сидя напротив Такамори за завтраком, она просматривала в газетах не светские хроники и рекламу новых фильмов, а курс акций.

Наблюдая за ней, Такамори думал: она уже составила себе приличное состояние, — и чувствовал при этом не только зависть, но и отвращение. «Какой же мужчина ей нужен? Хотел бы я увидеть выражение его лица».

Но, к счастью, у нас полно старинных поговорок, которые возвышают мужчин и принижают женщин. «Дочерей и карликов трудно выращивать». «Маленькие воробьи, как вам понять больших гусей?» Пока Томоэ не отрывалась от газеты, Такамори пытался вспомнить эти известные афоризмы и его раздражение понемногу проходило. Но факт оставался фактом: возникала неприятная ситуация, когда большой гусь должен просить взаймы у маленького воробья.

— В конце концов, мы ведь одной крови, — униженно просил он. (Ни на миг не забывая, что сестра на шесть лет младше его.)

— Я не признаю никаких родственных обязательств! — отвечала она резко. — Разве я не дала тебе

недавно взаймы тысячу иен? Не получишь больше ни одной иены.

После взаимных препирательств она все-таки уступала — но отнюдь не из красивой сестринской любви.

— Хорошо, только я буду брать с тебя десять процентов в неделю.

— Но это безжалостно.

— Что тут безжалостного? Если тебя не устраивает, можешь просить где-нибудь еще.

— Нет, вы только представьте: брать проценты с собственного брата!.. — возмущался Такамори. — Почему бы тебе не стать больше похожей на женщину, — иногда говорил он ей с досадой. — Так ты и мужа себе не найдешь.

— Ты считаешь? Ну это мы еще посмотрим.

— Успокойся на минутку и послушай...

Был такой итальянский фильм под названием «Дорога», который Томоэ несомненно видела. Вряд ли найдется фильм поучительнее, думал Такамори. Женщина по имени Джельсомина была страстно влюблена в мужчину, которого звали Дзампано. Он постоянно бил ее, издевался над ней, но она всегда оставалась с ним рядом. В конце концов он бросил ее в безлюдном месте в горах — зимой, когда солнце уже склонялось к закату. Джельсомина была совершенно не приспособлена к жизни, не способна оценить плюсы или минусы чего бы то ни было. С точки зрения современной японской девушки, что может быть смехотворнее? Но в итоге мучительные страдания превратили ее в святую мадонну. Если женские чувства и превосходят мужские, то это проявляется именно в та-

ких судьбах. Такамори рассчитывал, что сюжет фильма тронет Томоэ до слез.

— Послушай, — серьезно продолжал он. — В жизни иногда терпишь убытки, делаешь бесполезные шаги...

Он бросил быстрый взгляд на ее лицо — посмотреть, как она воспринимает его мудрые замечания, — но увидел, что сестра веселится:

— Это все глупости. Ты действительно очень старомоден. Вам, мужчинам, очень удобно так думать.

И когда она высмеяла женскую психологию Джельсомины, носик ее вздернулся вверх чуть повыше, чем обычно, и победно сморщился.

Что-то было не так с ее носом, когда она его вздергивала вверх подобным образом. Сама она, видимо, думала, что похожа на Софию Лорен, но Такамори этого не замечал. Еще девочкой Томоэ часто морщила нос, когда строила рожи брату. Сейчас подобных вульгарных жестов она уже себе не позволяла, но вздернутый нос все равно говорил о высокомерной самонадеянности — по отношению к мужчинам, обществу и к жизни в целом.

Ее нос когда-нибудь сломается, думал Такамори. Ему хотелось хорошенько ущипнуть сестру, но он знал: только попробуй он, и Томоэ вцепится в него с удвоенной и утроенной силой.

По этой вот причине Такамори в то воскресное утро, зарывшись в одеяло, как улитка в свою раковину, отвечал на пронзительные крики сестры так, словно сидел на дне пустого колодца.

Прозвучал отбой тревоги, Такамори выкурил одну за другой две сигареты и, уже заканчивая вторую, услышал громкие шаги внизу.

В этот раз атака была настоящая. Он быстро затушил сигарету и потянулся за нижним бельем. Но Томоэ вела себя довольно странно: не кричала, только медленно поднималась по лестнице. Такамори стал поспешно натягивать через голову рубашку, но не успел. Дверь в его комнату внезапно распахнулась, впустив яркие лучи утреннего солнца. В дверях, скрестив на груди руки, в безукоризненно белом свитере стояла Томоэ и пронзительным взглядом смотрела на брата.

— Милорд, поздравляю с помолвкой, — произнося эту нелепицу, сестра наблюдала, как Такамори пытается с трудом застегнуть рубашку, но не может найти пуговицы. — Ты надеваешь ее на левую сторону, дурачок, — Томоэ саркастически улыбнулась его тщетным усилиям. — Ты надел ее на левую сторону, — повторила она, — и нет ничего странного, что не можешь найти пуговицы.

Ему стало неловко — он старался смотреть в окно, чтобы избежать ее взгляда.

— Такамори.

— Да.

— Ты собираешься жениться?

Сидя на кровати, скрестив ноги, Такамори повернулся и уставился на нее. В ее черных глазах и самонадеянно вздернутом носике он увидел, что сестра насмехается над ним. Кажется.

— Кто такая Харуко Хона?

— Харуко? Не имею ни малейшего понятия...

— Ты говоришь мне правду? — В ее голосе слышалось подозрение. Скорчив кислую мину, Томоэ пристально наблюдала за его лицом.

Но Такамори действительно не мог вспомнить этого имени. Среди его знакомых девушек и близких подружек определенно не было никакой Харуко Хона, и он не мог себе представить, чтобы кто-нибудь мог позвонить ему в это воскресное утро.

— Ты хочешь сказать, что я имею какое-то отношение к этой Харуко Хона?

— Я, конечно, не знаю, но... — Сестра засмеялась. — Но тебе только что пришло толстое письмо от Харуко из Сингапура.

— Из Сингапура? — От удивления Такамори разинул рот. Он даже подумал, не помешалась ли сестра — например, от падения курса ее акций на бирже. Такамори никогда не был в Сингапуре и даже в грезах не имел никаких отношений с девушкой в такой далекой стране.

— Покажи.

— Ты что, рассчитываешь получить его даром? Я дам его тебе в обмен на деньги, которые ты мне должен с прошлого месяца.

— Прекрати эти шуточки! Я в самом деле не знаю никакой такой девушки.

Даже Томоэ по его лицу поняла, что он говорит правду, хоть и продолжала смотреть на него с подозрением.

Наконец она достала из-под свитера толстый конверт, на котором действительно стоял почтовый

штемпель Сингапура. Адрес был напечатан латиницей, имя — тоже: Такамори Хигаки. На обратной стороне конверта иероглифами значился отправитель: Харуко Хона, а за именем в скобках стояли еще два иероглифа, которые было невозможно разобрать. Такамори пришел в полное замешательство.

— Что за отвратительные каракули, — воскликнул он, глядя на иероглифы обратного адреса.

Каллиграфия действительно ужасающая. Было бы приятно, подумал он, получить от девушки прелестно написанное письмо, пусть даже адресованное ему по ошибке, но такой почерк — он не подпадал ни под одну известную школу каллиграфии. Что означает этот непонятный текст? Написан так плохо, что даже приготовишка бы лучше справился. — Должно быть, это чья-то шутка, но для первоапрельского розыгрыша рановато.

— Во всяком случае, открой и посмотри, что там написано.

С таким напутствием сестры он начал разрывать конверт.

— Секундочку! — В памяти у него вдруг всплыл недавно прочитанный детектив, в котором брошенная, как щенок, девушка решила отомстить своему любовнику. Для этого намазала изнутри конверт сильнодействующим ядом, распространенным на Малайском полуострове, с тем чтобы яд попал на пальцы бывшего любовника, когда он будет его открывать.

— Томоэ, а Сингапур — на Малайском полуострове?

— Естественно.